

Я ВСПОМИНАЮ

АСЯ ЛАПИДУС

Нью-Йорк, США

Писать о Мише очень трудно – человек он был сдержанный, держался суховато и на известном расстоянии, не думаю, что только со мной – его корректность воспитанного человека – это первое, что бросалось в глаза, и это то, что он умел в совершенстве – держать дистанцию.

У многих он вызывал не просто уважение – пиетет – и это было свойством его личности. Вежливая толерантность – удел тех, кого мы зовем интеллигентным – была присуща ему в большой степени. Молодые физики обожали его, и много бы отдали, чтобы он оделил их своей дружбой. А он не давался. И не потому, что не хотел этого – просто он был далек от того, что сбивает людей на площадку молодняка – по натуре он был одиночкой. И еще он был евреем-изгоем по определению – иудеем. И внешность его была под стать его суховатости – худощавый, мне он казался хрупким, с прекрасными яркими глазами – очень восточный – нездешний. Умница, он всегда сдерживал свой блеск – тихим говором и подчеркнуто мягким обращением. С ним было всегда интересно, хотя не сказать уютно. Не знаю – дружил ли он со мной – не могу знать, хотя безусловно мы были с ним на очень дружеской ноге. Вел он себя безукоризненно, что мешает человеческой близости. Избыток уважения создает известный порог, преодолеть который, я думаю, не удалось никому, за исключением домашних. Дома он был другой – красавица и умница Лиля – человек очень контактный – создала тот дом, в котором было хорошо всем и дома он был домашний – свой среди своих. Я очень любила бывать у них. Главой семьи мне казалась Лиля, хотя Миша был настоящим добытчиком – отцом и мужем – все, как полагается.

Можно относиться к Мише по-разному. Но то, что он оказал серьезное влияние на юных теоретиков и в научном и в человеческом плане – безусловно. Мишина безукоризненная порядочность и благородство личности, подчиненной служению науке и иудаизму – обязывало. Его ярко выраженная бескомпромиссная индивидуальность не всегда соответствовала простой объяснимости его поступков. Непростое не просто и не всегда понятно, и не всегда нравится. Трудный характер и трудная судьба. Кстати, он был добрее и мягче, чем казался. Значительно снисходительнее, чем

мы думали. Невозможно поверить, что Миши нет. Закваски он был настоящей – на самом высшем уровне.

Наверное, это неуместно, но мне хотелось бы пожелать его семье – Лиле и девочкам, сестре и маме долгой-долгой жизни, а физикам и физике – долгой памяти о нем.

* * *

Дремотная окраина Москвы
Асфальтовая стынь и перезвон трамваев
На полустанке сна там стебелек травы
От сердца памятный осколок отрывает

Ни вспомнить, ни забыть трамвайных рельс канвы
Шероховатый шорох – шины шепчутся о шпалы
И липнет запах райских лип седых
Полузнакомою отравой

На память зимний сад надышит на стекле
Чадит растрепанное сквозняком свечи косое пламя
По насту сумерек в крошечной белизне
Короткий день уходит в бессознание

Сна обморок, поземка лубяная круговерть
По небу гололед. Земное лоно – плоть немного камня
И невозможно в белый снег глядеть
Распухшими от сна и слез глазами

Стоп сухостойный – белокаменная твердь
Скользит и падает отвесно под ногами
Прощайте, друг. А мы пошли стареть,
Жизнь доживать прогорклыми годами.

Там по весне грачи галдят
Размыто небо акварелью
Снег сохнет стираной постелью
И тополя графический костяк
Дрожит в пятнистой светотени

Он помнит Вас – тот парк старинный
Походку Вашу, Ваше имя
В Ваш шаг, впечатанный в суглинок
Линяет иней тополиный
И снулый пруд в патине тины
Нездешний облик Ваш хранит

Теперь январь и холода
И прошлогодние снега
Слезу в сухие облака
Звездой горючей выжигают
И грузный ветер в эхо лает

Непропеченная краюха-мгла
В рассветной нежити черствеет караваем
Назойливых снежинок стая
Сучится в паутине льда
Жестоковьяная Москва
Гремит жетоном православья

В окне иконная жесть да медь
Пудовый крест – замок на двери рая
И пусть – изгоями Москва вовек горда
Лишь больно на небо смотреть,
Как бьются в горе провода.

Ася Лapidус – Нью-Йорк